

Юлия МАТВЕЕВА

Уральский федеральный университет (Екатеринбург)

**ТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ,
ИЛИ ЗАВЕРШЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЦИКЛА?
(А. МАКУШИНСКИЙ, Л. ЮЗЕФОВИЧ)¹**

**The theme of the civil war in Russia in modern Russian literature:
prospects of movement or completion of the cultural cycle?
(A. Makushinsky, L. Yuzefovich)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская революция, гражданская война, современная русская литература, А. Макушинский, Л. Юзефович, номадизм

KEYWORDS: Russian revolution, civil war, modern Russian literature, A. Makushinsky, L. Yuzefovich, nomadism

АБСТРАКТ: In the article an attempt is made to apply the idea of nomadism to the process of transforming literary themes and plots that have taken shape and are fixed in the framework of certain national and cultural paradigms. In this case, it is a process of transforming such a topic, such so significant for Russian literature of the 20th century, as the Civil War in Russia. At present, it is experiencing a unique revival, but the means for its artistic implementation change significantly, as can be seen from the comparison of two contemporary novels dedicated to this topic: L. Yuzefovich's "Winter Road" and A. Makushinsky's "City in the Valley". As a result of the analysis, it is concluded that in the sense of literary and artistic psychology, which assumes living in an image, the topic of the Civil War in Russia can be considered as closed, while the resources of historical evidence are able to open a new emotional, intellectual and artistic potential for it.

Со временем происходит неизбежное остранение любой, самой горячей, самой захватывающей, самой социально значимой темы. История – даже великие и глубоко трагические ее эпизоды – обречена на «остывание», перекодировку и переписывание. Не стала исключением в русской литературе XX, а теперь уже XXI веков и тема Гражданской войны.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ – отдел гуманитарных и общественных наук, проект № 17-21-07002а(м) «Человек советский в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI в.в.».

Будучи одной из наиболее масштабных, а возможно – самой масштабной исторической темой российской словесности на протяжении ста лет, она несколько раз претерпевала существенные сдвиги в своем понимании. В 1920-е годы и в ранней советской, и в эмигрантской литературе центральным был конфликт «человек и революция» во всех его модификациях и разрешениях. Эпоха «оттепели», с одной стороны, романтически мифологизировала тему революции и Гражданской войны, а с другой – внесла в нее стремление обыграть (В. Аксенов), увидеть людей и события прошлого другими глазами (В. Максимов, А. Солженицын), показать невыносимую сложность, неоднозначность человеческих поступков и отношений (Ю. Трифонов, Б. Пастернак). В 1980–90-е гг. произошел новый виток поисков «третьей правды», в свете которого по-новому высветилась отдельность жизни человека частого, встроенного, но не до конца подчиненного своему времени (романы Л. Бородина, М. Шишкина, А. Макина, рассказы И. Гергенредера).

Сегодня на волне интереса к истории XX века, к самым болевым ее точкам, тема Гражданской войны в России, несколько ушедшая в прошлое, оказывается вновь актуальной – по крайней мере, в пространстве российской культуры. Об этом говорит, в частности, спрос на нее в массовой литературе и кинематографе, об этом говорит решение жюри литературного конкурса «Большая книга», присвоившего первую, наиболее престижную премию за 2016 год роману Л. Юзефовича «Зимняя дорога» (помимо премии «Большая книга» роман получил еще две премии: «Национальный бестселлер» и Строгановскую премию в Перми).

Таким образом, тема номадизма, странствия, дороги, непрерывного становления «энергичности и статуарности» (Шляков 2017) в данном случае может быть прочитана как тема изменения во времени в рамках русской литературной традиции вполне определенного и в высшей степени значительного исторического сюжета. Конкретизировать наши рассуждения и рассмотреть, как именно в пределах русской литературно-художественной парадигмы осуществляется транспонирование исторических событий, связанных с Гражданской войной, в ценностные координаты современности, мы попытаемся на примере двух произведений разных авторов. Это будут названный выше роман Л. Юзефовича «Зимняя дорога» (2015) и роман А. Макушинского «Город в долине» (2013). Оба романа появились практически друг за другом, и оба писателя (Юзефович и Макушинский) признавались, что создавали свои тексты очень долго, почти двадцать лет. Кроме того, отношения «смысловой конвергенции» (Бахтин) соединяют романы Юзефовича и Макушинского как произведения, напрямую причастные исторической науке: профессиональный историк, получивший главную литературную премию России в качестве прозаика за свой исторический роман (Юзефович) и профессиональный филолог (Макушинский), сделавший героем своего

произведения историка, потерпевшего в качестве беллетриста сокрушительное фиаско. Перед нами случай зеркального преломления одной жизненной ситуации, тем более поразительный, что обе книги представляют собой металитературное повествование, организующим центром которого является сюжет, связанный с Гражданской войной.

Роман Юзефовича – попытка документального расследования так называемого «Дела Пепеляева». Исходная точка поиска вполне конкретна и локально определена – здание Военной прокуратуры СибВО, где автор-историк читает «девятитомное следственное дело белого генерала Анатолия Николаевича Пепеляева» (Юзефович 2017, 7). Затем к материалам следственного дела присоединятся опубликованные воспоминания других участников пепеляевского похода и его сторонников (Вишневого, Никифорова-Кюльмнюра), мемуары и документальные книги противников генерала (Строда, Байкалова), переписка, завязавшаяся со старшим сыном Пепеляева. Словом, перед нами вполне документальное повествование, жанр которого сам Юзефович обозначил как «документальный роман», снабдив свой текст вторым названием, уточняющим основной заголовок: «Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923 годы».

Действуя как настоящий историк, подняв документально-архивные материалы и косвенные свидетельства разного уровня, Юзефович тем не менее идет дальше – пытается реконструировать трагические события почти столетней давности, восстановить человеческий облик их участников. Получается связный и захватывающий рассказ о том, как бывший колчаковский генерал Анатолий Пепеляев отправился в августе 1922 г. с несколькими сотнями добровольцев, назвавшими себя «Сибирская добровольческая дружина», из Владивостока в Якутию на помощь антибольшевистскому Нельканскому восстанию, как этот поход проходил (нечеловечески тяжело, сквозь голод, сорокаградусный мороз, безлюдные пространства Якутии) и как завершился (возвращением к Охотскому морю, почти добровольной сдачей оставшихся участников).

Однако, это не все. В том-то и заключается удача Юзефовича, что он сумел выстроить по-настоящему сложный, не поддающийся линейному пересказу сюжет, основой которого стал канонический, сотни раз обыгранный в пределах нашей темы конфликт – противостояние двух сил, двух правд, двух героев. С самого начала и до самого конца повествования проходит эта устойчивая параллель, организованная по всем правилам художественного сюжетостроения. Здесь есть пролог – история гибели анархиста Нестора Каландаришвили, как бы заранее сблизившая два имени – Пепеляева и Строда. Есть экспозиция героев: друг за другом следуют главы, рассказывающие о происхождении и обстоятельствах жизни «мужицкого генерала» Пепеляева и «анархиста из Люцина» Строда. Есть основное действие – поход Пепеляева

в Якутию, кульминацией которого явилась осада Пепеляевым и оборона отрядом Строда юрты Карманова в крошечном селении под названием Сасыл-Сысы – трехнедельная «ледовая осада», которая превратилась позднее в «главное событие Гражданской войны в Якутии» (Юзефович 2017, 270). Развязкой этой сюжетной линии можно считать судебный процесс над Пепеляевым и его соратниками, состоявшийся в Чите в 1924 году, где в первый и последний раз герои-антагонисты встретились лицом к лицу и выразили друг другу «искреннее восхищение» (Юзефович 2017, 361). Эпилогом стал рассказ о дальнейших судьбах всех действующих лиц и, прежде всего, Пепеляева и Строда, разочаровавшихся каждый по-своему в своих идеалах и закончивших жизнь совершенно одинаково – в застенках ОГПУ.

Говоря о мемуарной книге Строда «В якутской тайге» (вышедшей в 1930 году и ставшей на какое-то время советским бестселлером), Юзефович так ее характеризует:

«Строд, сам того не желая, написал по природе героический эпос, где не добро борется со злом, а одни герои – с другими, и каждый из противников – лишь орудие высшей силы в лице «мирового капитала» или «мирового интернационала», враждующих между собой, как две партии олимпийских богов при осаде Трои. Космический мороз, инопланетные пейзажи с голыми скалами по берегам ледяных рек и бескрайняя тайга – подходящий фон для вселенской битвы» (Юзефович 2017, 385).

Однако такую книгу – подлинный эпос, где «орудием» враждующих высших сил оказываются два равновеликих героя, написал не только Строд, но и сам Юзефович, экзистенциально уравнивший своих персонажей. Ведь в его трактовке и Пепеляев, и Строд, несмотря на их разность в происхождении, образовании, образе жизни, являются идеалистами и романтиками, способными на самопожертвование и благородные поступки. Их противостояние бессмысленно и в высшей степени трагично, ибо неизбежно, неотвратимо, а их финал лишний раз доказывает, что абстрактные идеи редко соединяются с нравственной правдой, и революции во все времена одинаково пожирают не только своих врагов, но и друзей.

На наших глазах волею и мастерством автора коллаж из документов преобразуется в художественный текст, убедительность которого тем очевиднее, чем очевиднее его осознанный мифоцентризм. В очертаниях исторической конкретики, детально воссозданных усилиями автора-исследователя, то и дело проступают контуры архетипические: поход Пепеляева за освобождение Якутии уподобляется «вечному сюжету» «о поиске ключа к бессмертию или к замку спящей царевны» (Юзефович 2017, 130), мифологическому походу аргонавтов за золотым руном; осада Сасыл-Сысы – такому же вечному сюжету обороны крепости (Юзефович 2017, 249); судьба Ивана Строда

– судьбе героя, победившего чудовище, мгновенно прославленного и столь же мгновенно забытого.

Вневременное, универсально-культурологическое значение, в общем-то, не очень известного эпизода Гражданской войны, связанного с пепеляевским походом, проступает в интерпретации Юзефовича так отчетливо еще и потому, что основной сюжет книги аккумулирует в себя великое множество различных исторических фактов, будь то свидетельства И. А. Гончарова, прошедшего в 1854 году перевал Джугджур; судьба В. Г. Короленко, написавшего в Амге рассказ «Сон Макара»; идея «сибирского сепаратизма» Г. Н. Потанина; истории якутских ссыльных – от Н. Г. Чернышевского до П. А. Куликовского; эпизоды из жизни врангелевского генерала Я. Слащева, читающего на курсах «Выстрел» лекции по тактике красному командиру Строду, или из жизни Мандельштама, оказавшегося в Воронеже одновременно с Пепеляевым.

Не искажая документальных фактов, Юзефович тем не менее наполняет их лиризмом, психологизмом, патетическим или трагическим пафосом, вводя стилистический анализ писем, дневников, воспоминаний, интерпретируя те или иные поступки своих подлинных персонажей, гипотетически представляя их чувства, делая собственные обобщения эмпирического, культурно-исторического или философского характера. Благодаря подобному совмещению разных способов художественного изображения и документально-исторического свидетельствования, в конце концов, получается нечто вроде саги о Гражданской войне в России. Автор этой саги всеведущ и отстранен, знание его бесспорно, философско-нравственный ореол изображенных событий поднимает их высоко над временем.

В своей известной работе «История и семиотика» Б. А. Успенский писал, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса» (Успенский 1994, 9). Думается, книга Юзефовича вполне бы могла послужить иллюстрацией этого тезиса, ибо в ней налицо и культурно-семиотическое видение прошлого, и апелляция к точке зрения участников прошедших исторических событий. Иллюзия объективности, философичность возникают в результате дистанцирования автора от изображаемых им фактов, в то время как особую притягательность, убедительность и фактурность придают книге «голоса», звучащие из этого самого прошлого.

Второй, названный нами роман («Город в долине» А. Макушинского) – роман, в общем, филологический, поскольку разрабатывает тему творчества и творца, созидающего главное произведение своей жизни. Но этот творец – не писатель, не поэт, а кандидат исторических наук, преподаватель сначала Московского государственного университета, потом различных университетов Европы, задуманное им произведение – повесть о Гражданской

войне в России. Перед нами роман в романе: незаконченный текст повести некоего Павла Двигубского, кристаллизующийся внутри основного текста книги. Сюжетная канва крайне проста и в то же время замысловата. В центре авторского потока сознания находится история знакомства повествователя с Двигубским – в 1979 году студентом МГУ, затем ученым, деятельно поддержавшим российские перемены начала 1990-х, потом – переехавшим во Францию профессором. Помимо старой дружбы повествователя и Двигубского соединяет литература: еще будучи студентом, Двигубский задумал написать повесть о Гражданской войне в России, и этот замысел мучает его на протяжении всей жизни, но текст так и остается незавершенным. Незадолго до своей преждевременной смерти Двигубский отсылает Макушинскому, другу и многолетнему слушателю, то, что никак не мог сложить в единый сюжет. Подготовка к написанию повести, разговоры о ней и ее героях, зачитываемые отрывки из нее, сохранившиеся черновики – вот она, сердцевина всего романа. Отсюда и название – «Город в долине», именно так должна была называться повесть Двигубского.

Что же мешает герою дописать задуманную книгу? Его усилия были поистине грандиозны: прочитал о Гражданской войне массу документальной литературы, причем литературы самой новой для тогдашнего времени, самой потрясающей (Р. Гуль, С. Мамонтов, Ф. Степун, И. Бунин, М. Пришвин), изучил архивные материалы, свидетельствующие о кратковременном возникновении некой Елецкой республики, придумал героев (Григорий, его брат Всеволод, товарищ Сергей), с которыми за долгие годы сроднился и которые стали для него внутренней реальностью, исписал целые тетради отобранными в разных источниках деталями и подробностями обращения и быта 1900–10-х годов. Но – ничто не помогло, повесть не состоялась, превратившись для своего автора в «злосчастный мóрок», пожизненное «наваждение» (Макушинский 2016, 363). Любопытно, что сам Двигубский, размышляя над собственным литературным творчеством, ощущает в качестве непреодолимой преграды «какую-то роковую несовместимость литературы с историей» (Макушинский 2016, 170). Понимает это и его оппонент, автор-повествователь, предложив однажды в качестве возможного выхода из тупика перенести действие в какие-либо абстрактные декорации, тем самым обобщив и символизировав происходящее. Но в том-то и беда Двигубского, что он не может и не хочет принять эстетику XX века, упорно желая создать роман на старый лад, т. е. роман психологический, реалистический, с глубоко проработанными характерами и детально прорисованными бытовыми подробностями. Однако психологической достоверности с чужого голоса не бывает, присвоить чужую ментальность, чужой опыт невозможно. Как бы ни выписывал Двигубский площадь города, куда пришел его Григорий, вид разграбленного имения, реплики офицеров и солдат – все (и он первый это понимает) отдает фальшью.

Не спасают ни знание биографии Р. Гуля, ни сцены из книги С. Мамонтова, ни взгляд на пореволюционную елецкую жизнь М. Пришвина. Нужны другая эстетика, другой язык, другой подход. И дело здесь отнюдь не только в том, что пришедшая в 1990-е годы лавина «другой», не советской литературы о революции и Гражданской войне перестала, наконец, в начале XXI века всех удивлять, но именно в том, что сами методы реконструкции этой болевой темы должным были измениться.

Л. Я. Гинзбург в записных книжках 1970–1980-х годов записала: «Романы бесполезно читать, потому что этот вид условности перестал работать» (Гинзбург 2011, 305). Экстраполируя эти слова в область нашего интереса, можно сказать (по крайней мере, на опыте героя Макушинского), что романы (в традиционном понимании слова) о Гражданской войне сегодня «бесполезно» не читать, а писать, «потому что этот вид условности» и для современного писателя, и для современного читателя точно «перестал работать». В смысле литературно-художественного психологизма, предполагающего вживание в образ, тему Гражданской войны в России, по-видимому, можно считать закрытой, и попытки ее реанимировать вряд ли обернутся удачей. «Между историей и литературой» (Моретти 2014) можно устойчиво балансировать лишь тогда, когда – сошлемся еще раз на Л. Я. Гинзбург – в документально заданных исторических событиях и фактах писатель стремится раскрыть «латентную энергию исторических, философских, психологических обобщений», прокладывая «дорогу от факта к его значению» (Гинзбург 1999, 8). И это случай Юзефовича, чей «документальный роман» оказался и прочитан, и оценен не только членами жюри литературных премий, но и многочисленными рецензентами (Басинский 2016; Катаев 2017; Толстов 2015 и др.), по чьим откликам можно составить представление о мнении современного российского читателя.

В целом, говоря об эмоциональном, интеллектуальном и художественном потенциале темы революции и Гражданской войны сегодня, приходится признать, что единственный надежный ресурс для нее – поднятые «под свет искусства» (В. Набоков) исторические свидетельства.

Библиография

- Басинский, П. (2016), Наследники Букера. В: Российская газета (28.11).
Гинзбург, Л. Я. (1999), О психологической прозе. Москва.
Гинзбург, Л. Я. (2011), Записные книжки. Воспоминания. Эссе. Санкт-Петербург.
Катаев, Ф. (2017), Образная документальность. О романе Л. Юзефовича «Зимняя дорога». В: Вопросы литературы. 3, 236–241.
Макушинский, А. (2016), Город в долине. Москва.
Моретти, Ф. (2014), Буржуа: между историей и литературой. Москва.
Толстов, В. (2015), Адвокат на суде истории. Леонид Юзефович. Зимняя дорога. В: Урал. 10, 208–210.

- Успенский, Б. А. (1994), Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва.
- Шляков, А. В. (2012), Феноменологические аспекты номадизма. В: <http://readr.ru/aleksandr-schackiy-kniga-nomada.html> [доступ 1.03.2017].
- Юзефович, Л. (2017), Зимняя дорога. Генерал А. Н. Пепеляев и анархист И. Я. Строд в Якутии. 1922–1923: документальный роман. Москва.